

Чигирин Кирилл Александрович,

аспирант, г. Санкт-Петербург

**СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ НИКЛАСА ЛУМАНА: СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРАВА КАК КОММУНИКАЦИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ**

Аннотация. В статье на основе системной теории Никласа Лумана анализируются институциональные механизмы реализации социальных прав на муниципальном уровне. Устанавливается, что российская система социальной поддержки воспроизводит луманские механизмы «недостаточной комплексности» социальных прав, где перевод между функциональными подсистемами создаёт неизбежные искажения.

Ключевые слова: Никлас Луман, социальные права, муниципальное управление, коммуникация, функциональная дифференциация.

System Theory of Niklas Luhmann: Social Rights as Communication in the Municipal Management System

Abstract. The article, based on Niklas Luhmann's system theory, analyzes the institutional mechanisms for the implementation of social rights at the municipal level. It is established that the Russian social support system reproduces Luhmannian mechanisms of «under-complexity» of social rights, where translation between functional subsystems creates inevitable distortions.

Keywords: Niklas Luhmann, social rights, municipal governance, communication, functional differentiation.

Ключевое понятие лумановской теории — аутопойесис (autopoiesis), означающее самовоспроизводство системы из её собственных элементов. Правовая система представляет собой аутопойетическую, самореферентную, самовоспроизводящуюся коммуникативную социальную систему, имеющую в основе различие и единство прав и обязанностей [2, с. 11]. Она не получает нормы извне — из политики, морали или экономики, — а производит их из

себя самой, различая законные и незаконные коммуникации через код «законное / незаконное». Функция правовой системы состоит в стабилизации других подсистем за счёт нормирования ожиданий [3, с. 37]. Политическая система оперирует кодом «власть / не-власть», экономическая — «платежеспособность / неплатежеспособность», система социальной помощи — «нуждаемость / ненуждаемость». Каждая подсистема полностью автономна: функция, выполняемая данной подсистемой, не может выполняться никакой другой [3, с. 22]. Именно эта автономия создаёт центральную проблему для реализации социальных прав.

В функционально дифференцированном обществе права человека и социальные права понимаются как институт, выполняющий две функции: сохранение дифференциации системы (предотвращение экспансии одной подсистемы в сферу другой) и обеспечение доступа индивидов к функциональным системам [4, с. 14]. Основные права, согласно Луману, препятствуют политической системе расширять сферу компетенции, освобождая социальные феномены от её господства [5, с. 14]. Однако современные социальные права работают в противоположном направлении — они призваны расширить доступ индивидов к ресурсам функциональных систем (здравоохранения, образования, социального обеспечения). Именно в этом, по Луману, заключается их принципиальная слабость. Регулятивный кризис в государстве всеобщего благосостояния вызван тем, что политическая система берёт на себя общую ответственность за социальные процессы [2, с. 24].

Применительно к муниципальной системе социальных прав проблема заключается не в недостатке правовых норм или бюджетных средств, а в структурной несовместимости коммуникативных кодов подсистем. Социальное право начинается как политическое решение, закрепляющее новую категорию получателей помощи. Политическая система, оперирующая кодом «власть / не-власть», принимает это решение как реализацию своей функции. Однако для того чтобы политическое решение превратилось в

реальную выплату гражданину, оно должно быть «переведено» в правовую систему (код «законное / незаконное»), затем в бюджетную систему (код «доходы / расходы»), затем в систему социальной помощи (код «нуждаемость / ненуждаемость») и в экономическую систему получателя (код «платёжеспособность / неплатёжеспособность»). Каждый перевод, как показано в исследованиях, создаёт потери и искажения, поскольку каждая подсистема переопределяет «внешнюю» коммуникацию в своих собственных терминах [6, с. 6]. Организации социальной помощи определяют себя через внутренние конструкции своего окружения, их самозамкнутая природа создаёт «нечувствительность» по отношению друг к другу [6, с. 12].

Российское законодательство наделяет органы местного самоуправления государственными полномочиями в социальной сфере через механизм субвенций из бюджетов субъектов Российской Федерации. При этом муниципалитеты осуществляют социальные полномочия в двух правовых режимах: собственные полномочия (финансируемые из местного бюджета) и переданные государственные полномочия (финансируемые за счёт субвенций). В луманской терминологии муниципалитет одновременно принадлежит к двум различным системным референциям — как часть политической системы и как самоорганизующаяся локальная общность. Этот двойной статус порождает проблему «структурной связи» (*structural coupling*) — механизма, посредством которого одна система использует элементы структуры другой без смешения их границ [7, с. 6]. В российской практике муниципалитет осуществляет «перевод» общих правовых норм на язык локальных бюджетных возможностей и индивидуальных ситуаций. Реальные возможности муниципальной власти в сфере социальной защиты населения ограничены как размерами субвенций, так и собственными доходными источниками [8, с. 45].

В луманской перспективе возникает явление «недостаточной комплексности» социальных прав: правовая система генерирует новые нормы (права на пособия, льготы, компенсации), которые политическая система

принимает как ответ на общественные запросы, но эти нормы «не имеют встроенного устройства для ограничения экспансивных тенденций политической и правовой систем» [7, с. 10]. Социальные права, однажды провозглашённые, имеют тенденцию к расширению — включению новых категорий, увеличению объёма гарантий, усложнению процедур — без внутренних механизмов самоограничения. Политическая система не способна остановить эту экспансию, поскольку её собственная логика требует постоянного производства новых решений [5, с. 32].

Помощь в современных государствах благосостояния является полицентричной в том смысле, что она определяется различными агентами: публичными, добровольческими и частными провайдерами услуг [6, с. 6]. В российской муниципальной практике на локальном уровне одновременно действуют четыре типа системных кодов: правовой (законное / незаконное), политический (власть / не-власть), бюджетно-экономический (доходы / расходы) и профессионально-этический (нормы социальной работы). Муниципальный социальный работник в этой ситуации вынужден одновременно удовлетворять требованиям правовой системы (соблюдение процедур), политической системы (соответствие указаниям вышестоящих органов), бюджетной системы (соблюдение финансовых лимитов) и собственной профессиональной этики. Каждая из этих систем оперирует собственной логикой и собственными критериями успешности, которые могут быть не совместимы [8, с. 12].

В луманском анализе социальных прав важное место занимает понятие «включения/исключения» (inclusion/exclusion). Современное функционально дифференцированное общество ориентировано на максимальное включение индивидов во все функциональные системы. Социальное государство стремится с помощью социальной помощи уменьшить тенденции к социальному исключению или предотвратить их [5, с. 18]. Стремление к тотальному включению порождает экспансию социальных прав: любое исключение из какой-либо функциональной системы — безработица

(исключение из экономической системы), болезнь (исключение из системы труда), неграмотность (исключение из образовательной системы) — определяется как проблема, требующая политического и правового решения.

Литература

1. Park H.S. A Human Rights Theory without Human Beings? Luhmann's Systems Theory and Human Rights // *Korean Journal of International Studies*. — 2010. — Vol. 48, No. 2. — P. 131–164.
2. Бусова Н.А. Проблема кризиса правового регулирования в свете теории социальных систем Н. Лумана // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2000. — № 1. — С. 3–15.
3. Слыщенко В.А. Правовое учение Никласа Лумана и кризис современного общества // *Lex russica*. — 2016. — № 2. — С. 184–205.
4. Teubner G. Globale Zivilverfassungen: Alternativen zur staatszentrierten Verfassungstheorie // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. — 2003. — Bd. 63. — S. 1–28.
5. Luhmann N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. — München: Olzog, 1981. — 144 S.
6. Villadsen K. 'Polyphonic' welfare: Luhmann's systems theory applied to modern social work // *International Journal of Social Welfare*. — 2008. — Vol. 17, No. 1. — P. 65–73.
7. Villadsen K., Åkerstrøm Andersen N. Polyphonic Supervision — Meta-governance in Denmark // *Systems Research and Behavioral Science*. — 2017. — P. 12–16.
8. Забелина Е.П. О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в социальной сфере // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. — 2021. — № 2. — С. 30–42.